

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/2188560>

Тень от тени его

Направленность: Джен

Автор: Рене Римских (<https://ficbook.net/authors/799876>)

Фэндом: Оруэлл Джордж «1984»

Рейтинг: G

Жанры: Ангст, Антиутопия

Размер: Мини, 1 страница

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

У всех у нас одна смерть.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

Я говорю:

- У всех у нас одна смерть.

Синие униформы. Черные униформы. Двудликий поток, рассеченный посередине негласной зоной отчуждения, наводняет русла министерских коридоров. Скоро им предстоит обмелеть, а потом и вовсе иссохнуть на девять часов ежедневной рутины, но сейчас реки полны: справа – бодрая стерильная яркость токсичного красителя, слева – нефтяная пленка с налипшими на нее омутистыми тенями. Мы – две капли чиновнического половодья – ступаем вровень, чуть выбиваясь каждый из однотонных нам течений. Синяя униформа. Черная униформа. Лишь галстуки одинаковые – алые. Идеологически выдержанный цвет – цвет крови. Идеологически выдержанный узел – петля, которую можно сжимать все туже и туже, сколько заблагорассудится, до бесконечности – бесконечности удушья.

Кажется, сегодня я как раз перестарался. Надо бы ослабить эту виселичную хватку. Не сейчас – позже. Куда мне спешить?

Он говорит:

- Одна смерть, вот как? Значит, кое в чем люди до сих пор равны? Кое-какое право у них все-таки отнять невозможно? И пусть мы не умираем, когда стрижем ногти, а Партия и не заметит, если уничтожить десяток-другой ее верных или не слишком клеток, - тебе-то, скажем, от этого, от смертности твоего тела менее досадно не становится. Как и всякой живой твари. Ты такой же, как и все. Такой же, как и мы.

Его слова были бы смелыми, не пропитывай их до последнего эха желчь: для смелости в них просто не останется места.

Я говорю:

- Нет, я о другом. Каждый из нас умрет – умрет, идя однажды впереди конвоира, умрет от ожидания, а пуля в затылок довершит агонию. Вы меня понимаете, товарищ?..

Он машинально притрагивается к номеру-идентификатору, укрепленному, как предписывает устав, на груди, - ладонь захватана частыми рукопожатиями, пальцы зачерствели от канцелярской работы, от чернильных карандашей и затупленного обреза служебной записной книжки. Не рука – гроздь изможденных костей в газетном конверте, некрофилический букет, рожки коралла в мягкой обертке. Не рука – воплощенное старомыслие, неприкрытое преступление. Ему следует носить перчатки. Повинуясь моей вопросительной паузе, он притрагивается к номеру-идентификатору - я не знаю его буквенного имени, но числовое мне теперь известно.

Он говорит:

- Меня расстреляют?

Желчь, шипя, до шепота разъедает его голос – прежде звонкий, литой, хранящий чеканку служебных приказаний и криков отрепетированной ненависти в металле гласных звуков. Идеологически выдержанный голос. Только руки подвели.

Я останавливаюсь перед экономно узким зеркалом – на пол-отражения, не более. Мимо двумя прядями, разъятыми тонким пробором осторожной дистанции, катится проточный, проточенный коридорными рукавами и лестничными ответвлениями разлив, двери распахиваются полыньями, створки подаются с треском застарелого льда.

Инерция привычки заставляет меня не распуścić, а сильнее стянуть галстук, так что кажется, будто кровь пульсирует уже не в шейных артериях, а в его волокнистой мякоти. Я смахиваю с плеча крупинку белесой пыли. Недавний собеседник, стоя передо мной, едва втиснувшись в плотно облегающую раму, жест в жест повторяет то же. На нем

синий форменный комбинезон. На мне – черный.

Я говорю:

- Всех нас расстреляют. Рано или поздно. У нас нет выбора. Мы и саму смерть давно расстреляли.